

В. П. БОГДАНОВ

КУПЕЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На основе образов предпринимателей в русской классической литературе автор опровергает утвердившееся в историографии мнение о негативном отношении к предпринимательской деятельности, якобы изначально сложившемся в русском этосе. Показано, что негативное отношение к предпринимательству утверждается только во второй половине XVIII – начале XIX в. При этом данный «негатив», проявившийся в произведениях русских писателей, относился только к бытовой стороне жизни предпринимателей, а вовсе не к их профессиональной деятельности. Кроме того, в дореволюционный период он так и не проник в толщу народного сознания, и даже после десятилетий советской власти в крестьянской среде ничего дурного в предпринимательстве не видят и сейчас.

Ключевые слова: купечество, предпринимательство, русская литература, социальная история.

Парадокс: купечество (а под этим словом часто понимается дореволюционное предпринимательство вообще) – сословие, которому, как считается, «не повезло» в русской классической литературе, при том, что тема «купеческие образы в русской литературе» – одна из самых разработанных: ни дворяне, ни крестьяне не подвергались столь детальному анализу со стороны писателей.

В историографии начало рассмотрению данной темы было положено книгой А.С. Ушакова, ее первый том открывается замечательной фразой К.С. Аксакова: «Купца тербят, а в душу его ещё не заглянули». Автор, подписавшийся «русский купец», констатировал: «купеческое общество вследствие многих исторических причин и невыгод своего положения, отлилось в оригинальную, своеобразную форму»¹. Ушаков первым указал на то, что купечество ведет большую и общественно значимую работу (как правило, «на свой страх и риск»), не имея общественной и политической поддержки, но фактически бесправно и нередко вынуждено заискивать перед начальством. В литературе же купец выведен как «или отребье общества, или плут»². Он пишет: «...много светлого, отрадного и, притом, чисто национального хранит в себе наше купеческое общество <...> даже намеки на хорошие стороны быта... завели бы нас довольно далеко; может быть, для этого не пришло ещё время, хотя оно уже близко. В будущем мы постараемся тронуть кое-что; теперь же покорные обстоятельства, мы настраиваемся на старый тон, и будем искать *опять-таки*

---

¹ Ушаков 1865. С. [I].

² Ушаков 1865. С. 5.

темных сторон этого быта»³. Тем самым автор, по сути, признает своего рода социальный заказ (некие «обстоятельства») образованного общества на рассмотрение купцов с негативной (!) стороны.

Тему, затронутую А.С. Ушаковым, в 1913 г. продолжил П.А. Берлин. Он пишет: «Русская буржуазия жила своей жизнью, не создавая цельного и стильного своего быта, не участвуя в вольном творчестве общественных форм. Создавая материальные ценности, она не участвует в создании духовных богатств <...> Русская дореформенная буржуазия не выдвигает своих художников и не привлекает художников, вышедших из дворянских и разночинских кругов. Долго ведет она серое существование, не имея над головою звездного неба идеологии, не отраженная в художественной литературе». К сожалению, он не отвечает на вопрос, почему так произошло: вина ли в этом буржуазии или самой общественной жизни (на этот вопрос мы попытаемся дать ответ в статье). Берлин замечает, что русская литература отражала только «дворянскую культуру и “народ”». При этом и «дворянскую культуру и “народ”» русская литература, создававшаяся дворянами, отражала также не полностью. Большинство писателей «дали “аннибалову клятву” борьбы с крепостным правом». Отсюда и обличительный характер русской литературы⁴. От себя добавим, что обличительный пафос затем был перенесен и на предпринимательский быт.

В отличие от А.С. Ушакова, другой представитель купечества, П.А. Бурьшкин, признавая существование некоего «общественного заказа» на негативное изображение предпринимательского мира, описывает последний совсем по-другому. Его воспоминания (1954), наряду с отсылками к источникам и научным трудам, содержат много размышлений над купеческими образами в литературе.

В советское время в России в этой области наступает некоторый перерыв (если не считать работы литературоведов), но в 1990-е и 2000-е гг. появляется целая волна публикаций. Так, например, предисловие М.К. Шацилло и Г.Н. Ульяновой, предвещающее уже классическое издание (1991) воспоминаний П.А. Бурьшкина, начинается с обширной цитаты из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого и рассуждений о купечестве.

– Однако как ты обходишься с ним! – сказал Облонский. – Ты и руки ему не подал. От чего же не подать руки?

– Оттого, что я лакею не подаю руку, а лакей во сто раз лучше.

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно.

[Толстой Л.Н. Анна Каренина. I. Ч. 2, гл. 16]⁵

³ Ушаков 1865. С. 48.

⁴ Берлин 1913. С. 174, 175.

⁵ Шацилло, Ульянова 1991. С. 5.

К этому примечательному эпизоду, показывающему отношение дворянства к купечеству, мы ещё обратимся. Сейчас же скажем, что после Шацилло и Ульяновой тему отображения купечества в литературе освещали многие авторы. Многочисленные ссылки на художественную литературу (в том числе и при изображении купечества) мы встречаем в обобщающей монографии Б.Н. Миронова⁶. Одна из наиболее фундаментальных работ – статья М.В. Брянцева⁷ – интересна ещё и тем, что автор обращается к периоду, мало привлекавшему исследователей – XVIII – начала XIX в. Основное внимание историки уделяют периоду второй половины XIX – начала XX в.: именно ему посвящены статьи А.А. и А.А. Левандовских и В.В. Пименова⁸, а также работы Н.Н. Зарубиной⁹. Это и понятно: ведь конец XIX – начало XX в. – время бурного развития капиталистических отношений и постепенного выхода предпринимательского сословия на первые роли не только в экономической, но культурной и политической жизни. Параллельно заметим, что Н.Н. Зарубина (на основе терминологии В. Зомбарта) дает принципиально важное разделение «русского хозяина» на мещанина и собственно предпринимателя. При этом мещанское начало вовсе не обязательно связано с социальным слоем. Автор приводит в качестве примера гоголевских персонажей Собакевича и Коробочку – дворян по происхождению. Мещанское начало – *инертная основа хозяйствования*¹⁰. Изначальная установка Зарубиной состоит в том, что «позиция художественной литературы XIX – начала XX века по поводу того или иного явления может способствовать пониманию его характера и места в истории культуры»¹¹. Близок к работам Н.Н. Зарубиной и небольшой очерк Г.В. Чудиновой, в котором автор рассматривает образы старообрядцев в русской литературе, и, хотя автор не ставит перед собой задачу специального рассмотрения именно предпринимателей, тем не менее некоторые черты купеческого сословия (многие представители которого и в литературе, и в жизни придерживались «старой веры») в ней также отражены¹².

Последняя на сегодняшний день известная автору работа, где приводятся данные произведений художественной литературы как ис-

---

⁶ Миронов 1999.

⁷ Брянцев 2001. С. 181-196.

⁸ Левандовская, Левандовский 2002. В статье В.В. Пименова, посвящённой изображению Москвы в русской литературе, также много внимания уделено купеческим образам. См.: Пименов 2002.

⁹ Зарубина 2001; 2003; 2004 и др.

¹⁰ Зарубина 2003. С. 104.

¹¹ Зарубина 2003. С. 101.

¹² Чудинова 2007.

торических источников, посвящена раннему периоду истории предпринимательского сословия в России: в статье В.Б. Перхавко на основе былин и исторических песен рассматриваются средневековые торговые объединения¹³. Автор сформулировал две важные источниковедческие проблемы: «в какой степени образная картина, сложившаяся в фольклоре, соответствует письменным свидетельствам», и «можно ли использовать произведения устного народного творчества в качестве самостоятельного и полноценного источника»¹⁴. Для нас эти проблемы так же важны, с той лишь разницей, что источниками будут не фольклорные памятники, а авторские произведения.

Русская классическая литература – неисчерпаемый кладезь информации. Ориентироваться в нем достаточно трудно и тем важнее то, какие именно произведения, цитаты из них, приводятся исследователями, каждый из которых обладает не только своим багажом знаний и уровнем подготовки, но и собственным кругом любимых произведений и тех текстов, которые он лучше знает.

Объектом нашего исследования будут именно *предприниматели* (по классификации Н.Н. Зарубиной) недворянского происхождения, которых нередко даже в современной историографии и публицистике называют словом «купец»¹⁵. В данной статье предполагается выявить на материале художественной литературы конкретно-исторические черты,

---

¹³ Перхавко 2012.

¹⁴ Правда, автор приходит к неутешительному выводу: «древнерусские эпические произведения... нельзя использовать в качестве полноценного и самостоятельного источника по истории торговли и купечества средневековой Руси», тем более, что в них «не содержится никакой принципиально новой информации по данной теме». Они важны только «при изучении отражения и преломления в устном народном творчестве (а стало быть, и в памяти народа) исторических реалий эпохи Средневековья, в том числе и в рыночной сфере»: Перхавко. 2012. С. 46. Но это наблюдение можно отнести только к фольклорным памятникам. Связано это с тем, что они не содержат точных датировок и даже время появления их можно установить лишь с большей или меньшей степенью вероятности. При этом время записи этих произведений отделяют от описываемых в них реалий несколько столетий, т.е. к моменту фиксации памятники фольклора значительно утратили первоначальные сведения о той или иной эпохе, что приводит к смещениям временных пластов. Что касается авторских произведений, то описываемые в них реалии всегда легко датируются (во всяком случае имеют привязку к конкретным десятилетиям). Это позволяет изначально говорить о художественной литературе XVIII–XXI вв. как источниках.

¹⁵ В работах XIX в. нередко разделяются понятия «купец» (ведущий торговлю) и «промышленник» (владеющий каким-либо предприятием) – именно это мы видим в работах А.С. Ушакова середины XIX в. Однако и в это время часто слово купец становится синонимом предпринимателя вообще.

присущие предпринимательскому сословию, и ответить на вопрос, только ли негативными красками русские писатели изображали купцов.

Само по себе обращение историков к литературным произведениям далеко не ново. Ведь литература – это художественно-эстетический метод познания действительности, существующий наравне с практическо-эмпирическим и научно-теоретическим¹⁶. Тема отражения конкретно-исторических реалий в художественных произведениях неоднократно поднималась на страницах журнала «Диалог со временем». В одной из статей И.Ю. Николаева проанализировала зарубежные достижения в этой области¹⁷. Автор этих строк также неоднократно обращался к анализу изображения тех или иных социальных групп в художественной литературе (чиновников, военных, дворян).

***

В литературе нашло отражение много исторических (в своей статье В.В. Пименов называет их *этнографическими*) реалий.

Во-первых, в литературе ярко выражена социальная двойственность купеческого сословия. А.А. и А.А. Левандовские верно отмечают «постоянный «взаимообмен» между купечеством, с одной стороны, крестьянством и мещанством с другой»¹⁸, что определяет близость купечества к народу. Один из персонажей рассказа «Чертогон» (1879) Н.С. Лескова говорит о себе, что «*близок к народу*: мать моя была из купеческого звания (выделено нами – *В.Б.*)». Представители купечества в большинстве своём – крестьяне по происхождению. «...Деда нашего помещики драли...», – замечает представитель купеческого рода Лаптевых [Чехов А.П. Три года (1894). XV]. Крестьянский сын и Ермолай Лопухин, герой «Вишнёвого сада» (1903). Однако от крестьян купцов отличало одно важное обстоятельство: они не подвергались рекрутчине. В романе «В лесах» (1871–1874) П.И. Мельников-Печерский вкладывает в уста своих героев следующее рассуждение: «...Наш городок махонький, а в нём более сотни купцов наберётся... А много ль ли вы думаете, в самом деле торгует?.. Четверых не сыщешь, остальные столь великие торговцы, что перед новым годом бьются, бьются, сердечные, по миру даже собирают на гильдию. Кто в долги входит, кто последнюю одежонку с плеч долой, только б на срок записаться. – Зачем же это? – А от солдатчины-то ухорониться?». [Мельников-Печерский П.И. В лесах. II, 12].

¹⁶ Ковальченко 1987. С. 13.

¹⁷ Николаева 2013.

¹⁸ Левандовская, Левандовский 2002. С. 149.

«Промежуточность» предпринимательского сословия заключается и в том, что купеческий статус («чтобы от рекрутчины ухорониться») не был для него пределом. Для его представителей характерно и дальнейшее продвижение по социальной лестнице: они не только достигают купеческого звания, будучи крестьянами по происхождению, но и переходят в более привилегированный статус почетных граждан или дворян (получая ордена и звания). «Оноблированными» стали, например, Приваловы из «Приваловских миллионеров» (1883) Д.Н. Мамина-Сибиряка¹⁹. Кроме того, представители предпринимательского мира постоянно рождаются с благородным сословием. Героиня гоголевской «Женитьбы» (1833–35) Агафья Тихоновна («не штаб-офицерша, а купца третьей гильдии дочь») желает выйти замуж за дворянина-чиновника. Та же коллизия положена в основу картины П.А. Федотова «Сватовство майора» (1848). Жена К.В. Рукодеева (браки, видимо, относятся к середине 1860-х гг.) из «Гардениных» А.И. Эртеля – «из дворян, понимает обхождение» [Эртель А.И. Гарденины. I,7]. В «Пошехонской старине» (1887–89) Салтыкова-Щедрина описана семья, не раз менявшая социальный статус: «Дедушка происходил из купеческого рода, но в 1812 году сделал значительное пожертвование в пользу армии и за это получил чин коллежского асессора, а вместе с тем и право на потомственное дворянство [...] Он не любил вспоминать о своем происхождении и никогда не видался и даже не переписывался с родной сестрой, которая была замужем за купцом, впоследствии пришедшим в упадок и переписавшимся в мещане» [Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. III]. Видимо, купечество, как юридически оформленная группа, в XVIII–XIX вв. может по праву считаться лидером социальной мобильности²⁰.

Во-вторых, в литературе довольно точно передана история становления предпринимательских династий. Так Самсон Силыч Большов из пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» (1849) начинал с того, что торговал голицами (нагольными кожаными рукавицами), а жена

---

¹⁹ Статус купца не передавался по наследству и, соответственно, те привилегии, которые он давал, имели «временный характер». Получение же дворянства давало устойчивый статус: «мечта о дворянстве – типичное явление для русского купечества. Она вытекала одновременно из бесправного по сравнению с дворянами положения купцов и из общей неустойчивости, характерной для неразвитого капитализма (при господстве феодальных порядков), не обеспечивающей твердого положения предпринимателя» (Аксенов 1988. С. 143).

²⁰ Об этом же пишет Б.Н. Миронов: «Важная особенность стратификации городских обывателей состояла в том, что верхняя страта сословия постоянно обновлялась вследствие высокой внутрисословной вертикальной мобильности» (Миронов. 1999. Т. 2. С. 133).

его, Аграфена Кондратьевна, «чуть-чуть не панёвница» («панёва» – разновидность несшитой юбки, типичной для южновеликорусского крестьянского женского костюма)²¹. Причем нередко показывается не вполне честное становление первоначального капитала. Так, например, в 1877 г. описал первоначальное становление капитала Н.А. Некрасов:

Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстергать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.

[Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо.
Про холопа примерного –Якова Верного]

Примерно таким же образом разбогател и персонаж романа «Гарденины» Эртеля Коронат Антонов: «Двенадцать лет тому назад (т.е. ок. 1871 г.) явился наг и гладен в наши палестины. Фортушкой народ обманывал. На станции трактир держал и вдобавок известное заведение. Теперь богат, блажен и первой гильдии...» [Эртель А.И. Гарденины. II, 13]. «Герой “Приваловских миллионов” Игнатий Ляховский “свое состояние нажил в Сибири какими-то темными путями. Одни приписывали все краденому золоту, другие – водке, третьи просто счастью”. Да и наследственные богатства самого Привалова имеют сомнительные источники... Прохору Громову капитал достался от деда Данилы, который был настоящим разбойником и “не одну душу загубил”. Дед Марка Смолокурова из хроники Мельникова-Печерского “На Горах” промышлял фальшивомонетничеством. Таких примеров можно найти множество»²². Вот, например, рассуждения главного героя романа Горького «Фома Гордеев» (1899): «Вот Луп Резников – он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он задушил одного из своих гостей, богатого сибиряка...» [Горький М. Фома Гордеев. XIII]. Кстати, такая же легенда ходила и в отношении основателя знаменитой династии фарфоровых королей Якова Васильевича Кузнецова: «разбогател, ограбив заезжего купца»²³. Впрочем, Горький

²¹ Пименов 2002. С. 46.

²² Зарубина 2003. С. 106.

²³ Галкина, Мусина 2005. С. 14. Согласно другой легенде «в основе гуслицкого (а Кузнецовы происходили из подмосковных Гуслиц) благополучия лежало умение изготавливать фальшивые деньги» (как Марк Смолокуров Мельникова-Печерского!). Мол,

описывает и вполне законный и трудный путь накопления капитала: «Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился...» [Горький М. Фома Гордеев. XIII]. Наконец П.И. Мельников-Печерский описал действительный случай: «Выискался смыслённый человек с хорошим достатком... Коноваловым прозывался. Завёл небольшое ткацкое заведение, с лёгкой руки его дело пошло, да пошло. И разбогател народ, и живёт теперь лучше здешнего. Да мало ли таких мест по России. А везде доброе дело одним зачиналось. Побольше бы Коноваловых у нас было, хорошо бы народу жилось» [Мельников-Печерский. В лесах. II 10].²⁴ «Лишь принципиально положительные, “показательные” персонажи-предприниматели, вроде Чапурина и Кольшикина у Мельникова-Печерского, Костанжогло и Муразова у Гоголя, Осетрова у Боборыкина наживают состояния без мошенничества и явных преступлений, честным трудом, энергией и предприимчивостью»²⁵.

Перед нами просто несколько путей накопления богатства: постепенное, трудное, но абсолютно законное и всеми уважаемое (так началась династия Морозовых, Прохоровых, Рябушинских и многих других), и быстрое, вызывающее недоверие у окружающих (похожие легенды окружают начало «фарфоровой» династии Кузнецовых). Кстати, нельзя не вспомнить высказывание в отношении баснословного богатства купца Муразова во 2-м томе «Мертвых душ»:

- ...Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?..
- Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами.
- Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы...
- Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников». [Гоголь Н.В. Мертвые души. II, 3].

даже яркие цвета первых изделий Кузнецовых местные жители объясняли «опытами с красками самодельных ассигнаций» (Агеева 2004. С. 487). Автор оставляет эту историю без комментария, «поскольку объяснение её коренится в области народной психологии». В.Б. Перхавко констатировал (к сожалению, не приведя достаточно примеров): «завидуя зажиточным купцам, поднявшимся из низов, народ нередко считал источником их богатств грабёж или случайную удачу...». *Перхавко* 2012. С. 45.

²⁴ П.А. Бурыйкин сообщает: «Этой цитатой профессор П.И. Новгородцев, как директор Московского коммерческого института, приветствуя председателя совета А.И. Коновалова, закончил, под шумные знаки одобрения», свою речь на столетнем юбилее Коноваловской мануфактуры: *Бурыйкин* 1991. С. 57.

²⁵ *Зарубина* 2003. С. 106.

В-третьих, в литературе показана эволюция общественного положения купечества в XIX в. Н.В. Гоголь в «Ревизоре» (1835) так описывает взаимоотношения городничего и купечества: «Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай... Схватит за бороду, говорит: “Ах ты, татарин!” Ей-Богу! Если бы, то есть чем-нибудь не уважили его; а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке – мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало. Ей-ей! Придёт в лавку и, что попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: “Э, милый, это хорошее суконце: снесика его ко мне”... Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? И на Онуфрия несёшь». (Ревизор. IV, 10). Однако вскоре купцы входят «в доверие» к городскому начальству. Тот же Сквозник-Дмухановский помогает купцам наживаться.

Описывая середину XIX в. А.С. Ушаков писал: «Возьмем недалее и недавнее прошлое – Москву и первые годы настоящего царствования, в переходное состояние которого многое было видно несравненно ярче: придирки и стеснения того, что себя разумело под именем начальства, давало знать себя на каждом шагу, промышленность и торговля и это время и долго, долго прежде и после должна протискиваться чрез все препятствия, чрез все затруднения, покупать каждый свой шаг, подкупать многое и многих, чтобы сколько-нибудь успешно вести свое дело; сколько анекдотов, преданий, поверий о столкновениях с губернаторами, полицмейстерами, правителями разных канцелярий, частными приставами, квартальным, даже хожалами, ходит до сих пор между нашими купцами и промышленниками, и ходят они недаром и не зря, а необходимо прямо и естественно дадут материал для будущего историка нашей торговли и промышленности»²⁶. Но проходит ещё время, и к концу 1870-х гг. даже в столичном городе купец занял уже все ниши городской жизни: «кто хозяйничает в городе? Кто распоряжается бюджетом целого немецкого герцогства? Купцы... Они занимают первые места в городском представительстве... Миллионные фирмы передаются из рода в род... Судьба населения в 5, 10, 30 тысяч рабочих зависит от одного человека. И человек этот – ни помещик, ни титулованный барин, а коммерции советник или просто купец первой гильдии, крестит лоб двумя перстами. А дети его проживают в Ницце, в Париже, в Тру-

---

²⁶ Ушаков 1865. С. 4.

вилле, кутят с наследными принцами, прикармливают разных упразднённых князьков» [Боборыкин П.Д. Китай-город (1882). III.14].

В-четвертых, купеческое сословие было неоднородным и претерпевало изменения в историческом развитии. Например, и в «Грозе» (1859), и в «Бесприданнице» (1878) А.Н. Островского действие разворачивается в приволжских торговых городах. Но если в первой пьесе местные предприниматели выглядят как деятели «регионального» масштаба, то во второй они уже едут на ярмарку в Париж и т.д., т.е. становятся дельцами международного уровня (эти пьесы разделяют 13 лет). Заметны большие различия между провинциальными «неторгующими» купцами Мельникова-Печерского и столичными миллионерами. Персонажи «Китай-города» Боборыкина – в основном, мануфактур- и коммерции-советники, почетные граждане. В романе А.И. Эртеля главный герой даже противопоставляет купцов и почетных граждан: «Что означает – купец, сударь мой, – сказал он. – Что ж означает? – грубо возразил Николай. – Во-первых, и не купец, – вы ведь сами писали расписку, – а “потомственный почетный гражданин и кавалер”». (Гарденины. I, 5).

Среди предпринимателей литераторы видят и благородных представителей, заботящихся не только о себе, но и о других, и рыцарей наживы. Так один из самых благородных литературных образов купцов пореформенной России, которому явно симпатизирует и сам автор, мы находим в романе П.Д. Боборыкина. Это Анна Серафимовна Станицина. Она не просто яркая личность (женщина, взявшая дело в свои руки), она искренний, добрый благотворитель. Фабрика – лишь одна из сторон ее деятельности. Вторая, не менее важная, это школа для рабочих. По свидетельству П.А. Бурьшкина, прототипом Станициной стала знаменитая Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова²⁷, дочь крупного текстильного фабриканта, московского купца 1-й гильдии Алексея Ивановича Хлудова, известная меценатка. председательница ряда благотворительных обществ, попечительница Рогожского 2-го Городского начального женского училища, Благотворительного общества при Психиатрической клинике им. А.А. Морозова и городского ремесленного училища (Покровская ул., 14), основанных на ее средства, а также обществ Вспомоществования нуждающимся студентам Московского Технического училища и Московского университета, член Попечительного Совета народного университета им. Шанявского, Городского Попечительства о бедных Рогожского 2-го и 3-го участков. Кроме того, она финансировала создание музея кустарных изделий в Москве, основала Го-

---

²⁷ Бурьшкин. 1991. С. 60.

родскую бесплатную читальню им. И.С. Тургенева. Её отец А.И. Хлудов тоже прославился не только предпринимательской деятельностью (он был директором правления Товарищества Тверской мануфактуры), но и своей коллекцией древних рукописей и старопечатных книг. Хотя мы практически не можем найти параллелей в жизни В.А. Хлудовой и героини «Китай-города», оснований не доверять П.А. Бурышкину нет. Ведь художник никогда не берет образ в чистом виде, он обязательно «приспосабливает» его к своему произведению.

Анна Серафимовна – полная противоположность Нетовой, купчихе, чьи действия рассчитаны на публику. Так, даже деньги на школу она собиралась завещать лишь потому, что «200000 на школу – это красиво». Да и муж Нетовой озабочен только карьерой и общественным мнением, а в конце концов сходит с ума. Он представитель той предпринимательской прослойки, которая слилась с системой государственного управления. Одним словом, купеческая элита Боборыкина – это уже вовсе не купцы Островского. Это деятели столичного, а то и всероссийского масштаба. Но мотивы их деятельности различны: Анна Серафимовна все делает для совести, ради своих детей, ради будущего, Нетовы и десятки других – для себя и общественного мнения. Нетрудно заметить, что Третьяковская галерея, Московский Художественный театр, Бахрушинский музей – то, что было рассчитано на благо людей, что было устроено «на совесть» – стоит до сих пор и приносит пользу людям. А какой-нибудь театр Солодовникова, построенный лишь для того, чтобы потешить самолюбие домовладельца («...И когда без хлеба воеет / Ряд Гамлетов, Клеопатр, / Солодовников наш строит / Сто пятнадцатый театр...»²⁸), и другие памятники тщеславия не пережили своих владельцев.

В-пятых, именно предприниматели в литературе выступают в качестве мощной преобразовательной силы. Это было подмечено ещё Боборыкиным: «От него кормилось целое население в тридцать тысяч прядильщиков, ткачей и прочего фабричного люда» [Боборыкин П.Д. Китай-город. II, 5], «Судьба населения в пять, десять, тридцать тысяч рабочих зависит от одного человека» [III, 24]. Даже в советское время, несмотря на классовый антагонизм, писатели подчеркивали преобразовательную силу предпринимательского сословия. В романе 1925 г. Горький вкладывает в уста своего героя такие слова: «Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, от Артамоновых»²⁹. В самом начале устройства дела, он говорит: «Всё будет у нас: церковь, кладби-

---

²⁸ Фигаро из Сущева. 1894.

²⁹ Горький. 1976. С. 346.

ще, училище заведем, больницу»³⁰. Еще рельефнее такое же отношение формулирует Прохор Громов в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933): «Конечно, Прохор будет здесь работать, проложит широкие дороги, оживит этот мертвый край, разделает поля, а главное – схватит вот этими руками реку и выправит ее всю, как тугие кольца огромного удава. Обязательно, обязательно все будет так» [Шишков В.Я. Угрюм-река. I, 10] За этими литературными образами стоят фигуры Мальцовых, основателей Гуся-Хрустального, Баташовы, основатели Выксы... Предпринимателям Строгановым и Демидовым (правда, в XVIII в. получившим дворянство) Россия во многом обязана освоением Сибири и Урала.

***

Попробуем проследить, только ли негативными чертами русские писатели описывают купцов. Обратим внимание на очень интересный факт. В 1-м томе «Мертвых душ» Гоголь, стремившийся «показать, *хотя с одного боку* (курсив мой. – В.Б.), всю Русь», выделил наиболее негативные черты современной ему России. Помещики и чиновники выступают олицетворением этого негатива. Но среди них мы не видим купцов! Это означает, не считал их однозначным злом, т.е. в общей градации отрицательных занятий, по мнению Гоголя и его читателей, труд предпринимателя стоял, по крайней мере, на третьем месте. На первом – нерадивые помещики, среди них – Плюшкин и Ноздрев, вовсе не заботящиеся о своем хозяйстве, и, стало быть, о людях («душах») им переданных. Затем идут представители «мещанского типа» (Собакевич и Коробочка). Наименее безобидный – Манилов, который еще сохраняет смутные представления о дворянском долге перед обществом и государством. За помещиками идут чиновники. Причем здесь тоже намечается некоторая градация: чиновники высокого ранга (губернатор и др.) менее вредны (так как с ними мало сталкиваются в обычной жизни), чем разного рода «свиные рыла», выписывающие бумажки и заверяющие купчи. В целом купцы у Гоголя вообще не приносят какого-либо ощутимого зла. Однако (что показано в «Ревизоре») неразборчивость в средствах приводит к тому, что страдают общественно значимые объекты: не строятся мосты, церкви и т.д., хотя подряды на них регулярно купцы получают. Примечательно, что во 2-м томе, задуманном Гоголем как «Чистилище» (закончен в 1851 г.), наряду с безусловно отрицательными персонажами появляются безусловно положительные. Один из них – о купец (!) Муразов. Именно он способен наставить Чичикова на праведный путь. Он может выполнять деликатные поручения начальства по

---

³⁰ Горький. 1976. С. 351.

усмирению крестьянских волнений, так как пользуется всеобщим авторитетом³¹. Он олицетворяет лучшие черты «русского хозяина» (независимо от социального статуса), главной из которых следует назвать постоянную жажду деятельности³². Именно она у купца Муразова или дворянина Костанжогло противостоит инертности помещиков Манилова, Плюшкина и «мещанскому духу» Собакевича и Коробочки.

Даже в советский период писатели подчеркивали деятельностное начало в жизни предпринимателей. Герой романа В.Я. Шишкова (1933) мечтает: «Конечно, Прохор будет здесь работать, проложит широкие дороги, оживит этот мертвый край, разделает поля, а главное – схватит вот этими руками реку и выправит ее всю, как тугие кольца огромного удава. Обязательно, обязательно все будет так» [Шишков В.Я. Угрюм-река. I, 10]. Это не дворянские Маниловские мечтания «о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян» [Гоголь Н.В. Мертвые души. II]. Громов точно знает как этого достичь: «Он знает теперь, где кочуют тунгусы и куда выходят они зимой, чтоб обменять богатый зверовой улов на ничтожную подачку от русских торгашей-грабителей. Прохор приедет сюда и все устроит по-иному: пусть вздохнет свободно этот гостеприимный, ласковый народ. Или вот еще: та сопка, на вершине которой он был утром, оказывается, имеет в себе медь. В его руках кусок металла, найденного стариком в каменном обрыве сопки» [Угрюм-река. I, 10].

Успех предпринимательской деятельности – это следствие четкого представления того, чего следует добиться, рационализма и большой работоспособности. При этом самой работе предприниматели отдаются полностью. Игнат Гордеев «был просто человек, охваченный неукротимой страстью к работе. Эта страсть горела в нем дни и ночи, он всецело

---

³¹ Это противоречит тому, что сформулировали полтора столетия назад представители дворянства и интеллигенции: «Сознание неправды денег в русской душе невыправимо» (Цит. по: *Боханов*. 1989. С. 6). Сама фраза принадлежит М.И. Цветаевой. Но так ли было на самом деле? Материал, приводимый В.Б. Перхавко, свидетельствует, что в средневековом русском обществе купцы занимали почетное место: присутствовали на княжеских пирах, участвовали в дипломатических миссиях и т.д. Если бы «неправда денег» была исконной чертой русского сознания, то купцы бы никогда таким уважением не пользовались.

³² Я не согласен с тем, что образ Муразова получился искусственным и нежизненным (*Федосюк* 2001. С. 169). Спорным представляется и утверждение Берлина, что «Костанжогло у Гоголя и фигура из паноптикума – Штольц у Гончарова» – «мертворожденные типы», «говорящие восковые фигуры» (*Берлин*. 1913. С. 170).

поглощался ею... Он метался по Волге вверх и вниз, укрепляя и разбрасывая сети, которыми ловил золото... В периоды увлечения работой он к людям относился сурово и безжалостно, – он и себе покоя не давал, лова рубли» [Горький М. Фома Гордеев. I]. Илья Артамонов поучал сыновей: «Все делайте, ничем не брезгуйте! – поучал он и делал много такого, чего мог бы не делать, всюду обнаруживая звериную, зоркую ловкость, – она позволяла ему точно определять, где сопротивление силе упрямее и как легче преодолеть его»³³.

Работа предпринимателей резко контрастирует с инертностью и праздностью дворянства. Ещё в 1845 г. В.С. Филимонов в поэме «Москва. Три песни» писал: «Тогда в Москве, и праздною, и богатой, / Живали жизнью полосатой: / Арбат ложился спать – уж встали на Донской». Арбат – аристократический район, Донская – одна из улиц торгового Замоскворечья: когда дворянство ложилось спать, купечество уже начинало день. Герой чеховского «Вишневого сада» (1904) Лопухин прямо говорит: «Я встаю в пятом часу утра [явно не в пример Раневской или Гаеву – В.Б.], работаю с утра до вечера...» [Вишневы сад. II].

Другая черта настоящего русского предпринимателя – особое отношение не только к собственному делу, но и к людям, вовлеченным в него. Илья Артамонов «заносчивости богача не приобретал, с рабочими держался просто, пировал у них на свадьбах, крестил детей, любил по праздникам беседовать со старыми ткачами, старые ткачи восхищались податливым хозяином, видя в нем мужика, которому судьба милостиво улыбается»³⁴. Как представляется, и отца главного героя «Лета Господнего» (1944) И.С. Шмелева его рабочие любили бы меньше, если бы он лично не вылавливал оторвавшиеся с привязи на ледоходе барки³⁵. Справедливости ради заметим, что примерно такими же характеристиками Гоголь наделяет помещика Костанжогло (2-й том «Мертвых душ»), а Толстой в «Воине и мире» – графа Николая Ростова. Личное участие – это не сугубо купеческая черта, а черта подлинного «русского хозяина».

Именно за эти два качества: «жажда до дела» и личностное отношение к окружающим (будь то работники, служащие или члены семьи) – люди могут простить предпринимателям и грубость, и жестокость... Отец Стратонова из «Жизни Клима Самгина» (1927) «своей рукой рабочих бил, а они его уважали» [Горький М. Жизнь Клима Самгина. III]. Принципиально важно наблюдение Н.Н. Зарубиной: «Рус-

³³ Горький 1976. С. 348.

³⁴ Горький 1976. С. 354.

³⁵ Апогеем этой идиллии стал эпизод с поднесением отцу повествователя гигантского именинного калача с надписью «хозяину благому».

ская литература свидетельствует, что энергичный, удачливый, но при этом честный и справедливый хозяин не был враждебен народу, воспринимался с сочувствием и пользовался большим уважением»³⁶. Независимо от того, идет речь о дворянах Николае Ростове, Костанжогло или же о купцах Станицыной, Артамонове, Гордееве. Потапа Чапурина, организатора крупного кустарного производства (по сути, рассеянной мануфактуры), происходившего из государственных крестьян, «по Заволжью никто без поклона не миновал; окольные мужики, у которых Чапурин посуду скупал, в глаза и за глаза звали его “наш хозяин”. Доверие имел не в одном крестьянском обществе, но и в купеческом» [Мельников-Печерский П.И. В лесах. I. 1,1]. Более того, такого рода предприниматели в критические моменты получают поддержку простых людей: когда у Чапурина случилась экстренная нужда в деньгах и он обратился к народу, ему «получаса не прошло, семь тысяч в шапку накидали». Аналогичный эпизод есть у Н.А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?», когда крестьяне всем миром выручают владельца мельницы Ермила Гирина³⁷. Семье Мирона Артамонова рабочие их фабрики вообще помогли пережить погромы крайних монархистов³⁸.

Главные отрицательные черты русского предпринимателя – склонность к обману (и вообще неразборчивость средств на пути к обогащению) и лицемерие (показная религиозность). Но нередко описания, относящиеся на самом деле к крестьянству или к другому сословию, выдают за купеческие характеристики. В том же произведении Филимонова, где можно встретить такое определение: «грабитель оптовый, пузатый откупщик», оно относится не только к купцу (значительную часть откупщиков составляли дворяне), но связывается с ним, поскольку дальше идёт характеристика, впрочем, довольно нейтральная, именно купцов:

Вот купчики-скороговорцы
И срывщик продувной Гостиного двора –
И ловят и кричат: «Здесь ситцы, коленкоры,
Батист, сукно, атлас, петлицы, галуны,
Перчатки, помочи, и галстуки, и шпоры...
Зайдите! Отдадим для вас за полцены!...»

(Филимонов. Москва. Три песни. I, 16)

---

³⁶ Зарубина. 2003. С. 110-111. Добавим: уважением у простого человека, а не дворянина или интеллигента. Можно вспомнить, как недоучившийся студент Петя Трофимов объяснял Лопахину: «вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает ему на пути, так и ты нужен».

³⁷ Об этом же: Чудинова. 2007.

³⁸ Горький. 1976. С. 492-493.

А вот совсем иная по звучанию цитата из басни И.А. Крылова «Купец» начала XIX в:

Обманут! Обманул купец: в том дива нет;
 Но если кто на свет
 Пovyше лавок взглянет, –
 Увидит, что и там на ту же стать идет;
 Почти у всех во всём один расчёт:
 Кого кто лучше подведёт,
 И кто кого хитрей обманет.

Нетрудно заметить, что в этой басне высмеивается плутовство не только купца, но и всего общества. В романе Л.Н. Толстого описывается и как Стива Облонский стал жертвой купца (с чего началась наша статья), и как Константин Левин чуть не стал жертвой плутовства крестьян. Мужики пытались выдать стога сена, наваленные тридцатью двумя возами, за стога, насыпанные якобы пятьюдесятью, при этом они ссылались на «пухлявость сена». [Анна Каренина. I. Ч. 3. гл. 11]³⁹.

Но в литературе мы можем найти и своего рода кодекс купеческой чести. Например, в «Китай-городе» П.Д. Боборыкин привёл любопытный разговор ввязавшегося в сомнительную сделку дворянина Палтусова с купцом Осетровым: «Но вам... разве не доверяли сотни тысяч без расписок?... – Совершенно верно, ...но я возвращал сейчас же, сейчас, всё, что у меня было, при первом требовании... Наживаться можно и должно, но только не так, как вы думали...» (Китай-город. IV, 14).

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» описано становление купца Ермила Ильича, который собирает у народа под честное слово деньги для покупки мельницы и отдаёт их через неделю (Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. I, 4). В «Бесприданнице» «честное купеческое слово» тоже связывает Вожеватова «кандалами»: «Вы купец, вы должны понимать, что значит слово», – говорит ему Кнуров (Островский. Бесприданница. IV, 6, 8). Другое дело, что само оно относится к мало пристойному делу. Герой «Китай-города» Палтусов прямо говорит: «Всё кругом хапает, ворует, производит растраты, теряет даже сознание того, что своё, что чужое... Только у некоторых купеческих фамилий и есть ещё хозяйская, хотя тоже кулачская честность...» [Боборыкин. Китай-

³⁹ Сам обман купца Рябинина не выглядит чем-то сверхбезнравственным. Правда, Левин, объясняя, почему он не подал купцу руки и не предложил тому отобедать, говорит, что тот в сто раз хуже лакея. Но сам Толстой всячески подчеркивает, что Левин был «очень не в духе» и «сердился теперь не на то, что расстроило его, а придирался ко всему, что представлялось ему» [Анна Каренина. I. Ч. 2., гл. 16]. Т.е. негодование Левина – это не неприятие купеческого труда как такового. Судя по всему, Левин больше недоволен поведением Стивы Облонского, а не Рябинина.

город. IV. 22]. Т.е. получается, что только купцам как сословию свойственна честность! Исходя из этого, можно предположить, что обман в деловых отношениях – это общая черта, характерная для капитализма. При этом предприниматели по рождению её лишены.

Описанные в литературе легендарные «купеческие загулы» тоже относятся не столько к купечеству, сколько вообще к русскому характеру. Левандовские и В.В. Пименов приводят описание «чертогона» – обряда, который, по словам Лескова, можно встретить только в Москве. В обеих статьях одноимённый рассказ Лескова используется как доказательство «двуличности» купечества. Но сам Лесков видит в этом обряде иное. В начале рассказа он говорит, что описанный эпизод может быть интересен любителям «серьёзного и величественного в национальном вкусе» [Лесков Н.С. Чертогон. Гл. 1]. Герой рассказа, уважаемый купец Илья Федосеевич, приглашает несколько десятков купцов «своего уровня», снимает «Яр» и устраивает там настоящий разгул. Наутро он оплачивает с лихвой все издержки и поломки и... отправляется в монастырь, вкладчиком которого является, припасть к иконе. Процесс раскаяния происходит так: «Дядя не упал, а рухнул на колени, потом ударил лбом об пол ниц, всхлипнул и точно замер». В ногах у купца происходило борение, которое объяснила монашенка: «...он духом к небу горит, а ножками-то ещё к аду перебирает». Потом купец провозгласил: «Не подымусь, пока не простишь меня! Ты бо один свят, а мы все черти окаянные! – и зарыдал. Да ведь так зарыдал, что все мы трое с ним навзрыд плакать начали: Господи, сотвори ему по его молению». После этого какая-то сила Илью Федосеевича взяла за волосы и «из-под кумпола» на ноги поставила. Заканчивает Лесков рассказ так: «И вот он и отвержен и счастлив; он щедро одарил обитель, где вымолил себе это чудо, и опять почувствовал “жисть”... а меня ввёл в добрую веру народную. С этих пор я вкус народный познал в падении и восстании...» [Чертогон. Гл. 5]. Для Лескова чертогон – проявление народной веры. Героиня комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) Машенька Турусина говорит: «Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить, и буду каяться...». Тот же посыл мы встречаем и в диалоге Игната Гордеева с женой Натальей: «Погодила бы! успеешь еще грехи-то замолить, – сперва нагреси. Знаешь: не согресишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься... Ты вот грехи, пока молода» [Горький М. Фома Гордеев. I]; и в «Деле Артамоновых»: «Не согрешив – не покаешься, не покаешься – не спасешься»⁴⁰.

---

⁴⁰ Горький 1976. С. 454.

Но не характерная ли это черта вообще русского бытового православия, где грех становится неизбежным, а порой и желательным, элементом бытия?⁴¹ Ведь в русской культуре сочетание греха и раскаяния имеет очень давнюю традицию. Так, например, основателем знаменитой Оптиной пустыни считается легендарный разбойник Опта, а рядом располагающихся монастырей, Доброго Покровского Лихвинского и Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова (не восстановленных после революции) – его два «дружки» Добрый и Лютый. Не следует забывать и про Кудеяра-атамана, который затем стал иноком Питиримом и увековечен Н.А. Некрасовым и Ф.И. Шалапиным.

В мемуарной литературе есть несколько описаний того, как веселится купечество. «Московский городской голова Михаил Леонтьевич Королёв, Алексей Иванович Хлудов, Павел и Дмитрий Сорокоумовские, Иван Иванович Рогожин, Василий Гаврилович Куликов и Николай Иванович Каулин ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырёва, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего, Королёв ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить, и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились»⁴². Всё чинно. Первое лицо города и не мог вести себя по-другому. Но был в Москве герой гораздо примечательнее любого литературного персонажа. Это Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885), столь красочно описанный в «Москве и москвичах» (1926) Гиляровского, послуживший, по словам писателя, прототипом купца Хлынова из пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце» (1868)⁴³. Его пиры и разгульная жизнь были притчами во языцех у всей Москвы, но этот же кутила и гуляка принимал участие в покорении Средней Азии и в войне Сербии против Турции в 1870-х гг., и за беспримерную храбрость и отвагу был награждён георгиевским крестом и сербским орденом за храбрость. С этой точки зрения, и пиры Хлудова, и его участие в двух войнах – проявление русской удали.

Характеристика всего общества зачастую воспринимается как характеристика лишь предпринимательского сословия, о чем свидетель-

⁴¹ Христианство. 1994. С. 110-111.

⁴² Щукин 1997. С. 159. Этот же рассказ в своих воспоминаниях приводит и П.А. Бурыйшкін. См. *Бурыйшкін* 1991. С. 82-83.

⁴³ *Гиляровский* 1988. С. 85-87. Указание: «Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове» (т.е. относится к концу 1830-х гг.) он вынужден был сделать по требованию цензуры, которую особенно смутила крайне «непочтительная» характеристика городничего Градобоева. Видимо, перенеся действие во времена «Ревизора» Н.В. Гоголя, А.Н. Островский показал, что такой тип городничих, как Градобоев, встречался в эпоху Николая I (Сквозник-Дмухановский).

стует пример, который в статье Левандовских выдан за описание купечества. Герой А.П. Чехова Алексей Лаптев, вспоминая детство, говорит: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было ещё и пяти лет. Он сёк меня розгами, драл за уши, бил по голове»⁴⁴. Но воспоминания его относятся к детству, т.е. к «крестьянскому периоду». То же можно сказать и о знаменитом монологе Кулигина в «Грозе»: «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие». Слова эти относятся не к одному купечеству, а вообще к уездному приволжскому городу. Купцы – лишь часть айсберга. «Тёмное царство» – не купеческий мир, а мир целого города. Ведь Кулигин говорит не о купечестве, а о мещанстве: «В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбраться из этой норы!» [Островский А.Н. Гроза. I, 2]. Нельзя спорить с тем, что в другой пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» купцы показаны в откровенно неприглядном виде, однако главным виновником трагедии, главным негодяем выступает не кто-то из купцов (Кнуров или Вожеватов), а дворянин Паратов. П.А. Бурьшкин замечает: «Это мнение, что Островский прежде всего бытописатель, беспристрастно отражающий в своих творениях действительность так, как он её видит и понимает, и отмечающий пороки и недостатки у *всех групп общества* (курсив мой. – В.Б.), а не обличитель-сатирик, рисующий лишь «тёмное царство» – русскую купеческую среду, постепенно стало господствующим среди русской критики и истории русской литературы»⁴⁵. К сожалению, мнение Бурьшкина было практически неизвестно советским литературоведам. Исследователям социальной истории пришлось на протяжении нескольких десятилетий ломать сложившиеся стереотипы.

Откуда же негатив в отношении предпринимателей XIX–XX вв.?

Рискнем предположить, что он связан с общим духом XVIII в., который окончательно превратил дворянство в единственное привилегированное сословие. До XVIII в. купечество имело право владеть землей и крестьянами⁴⁶, но со времен Елизаветы Петровны оно его лишилось. Если до XVIII в. (через Земские соборы и приглашения в комиссии), напрямую занимая важные государственные должности⁴⁷, купечество

⁴⁴ Чехов. Указ соч. Соч. Т. 9. С. 39.

⁴⁵ Бурьшкин 1991. С. 54.

⁴⁶ Голикова 2012. С. 66-101.

⁴⁷ Так, по меньшей мере шесть представителей рода членов гостинной сотни Чистых-Алмазовых были дьяками и подьячими. Один из них, дьяк Ерофей Иванов Алмазов, дважды возглавлял Посольский приказ и ведал книгопечатанием (Голикова 1998. С. 102 и др.; Веселовский 1975. с. 19-20, 203, 568).

могло влиять на принятие судьбоносных решений, то при преемниках Петра I ситуация изменилась. В частности, из прослеженных С.М. Троицким 20-ти родов чиновников XVIII в. не было ни одного, члены которого имели отношение к предпринимательской деятельности⁴⁸.

В XVIII в. постепенно сократился список обременительных, но общественно важных повинностей, которое несло купечество в отношении государства: сбор таможенных пошлин, сбор и доставка государственных податей, ведение приема и счета денежной казны в некоторых приказах и др.⁴⁹ Никто не ставил под сомнение экономическую мощь купечества, однако его роль оказалась гораздо менее заметной и почетной⁵⁰, чем та, которую играло дворянство. Примечательно, что в романе «Война и мир» описывается встреча императора Александра I с дворянством и купечеством в 1812 г., которая проходит в отдельных залах! [Т. III. Ч. 1, гл. 23]. С XVIII в. для активного (и «заметного») участия в жизни государства предпринимателям приходилось становиться дворянами. В свою очередь перешедшие в дворянство предпринимательские династии если не переставали вести родовое дело, то прекращали лично им заниматься. Таким образом, предпринимательская деятельность оказалась выведенной из повседневной практики самого привилегированного социального слоя, напрямую влиявшего на политическую, экономическую, социальную жизнь страны. Русская литература, создаваемая в первую очередь писателями-дворянами, такой общественный порядок оправдывала. Литераторы выстраивали трехуровневую систему: государство – дворянство – крестьянство: государство держится на дворянстве, которое в свою очередь держится на труде крестьян. При этом в психологии русского дворянства и воспитанной им русской интеллигенции с начала XIX в. действительно существовало *неприятие* любой коммерческой деятельности. А.Н. Боханов приводит интересное суждение на эту тему экономиста И.Х. Озерова: «Подальше от промышленности – это дело нечистое и недостойное каждого интеллигента!..»⁵¹ Места предпринимательской этике в выстроенной трехуровневой системе не было.

Писатели-дворяне через свои произведения именно дворянскую этику сделали главным эталоном жизни общества. Служба (военная

⁴⁸ Троицкий. 1974. С. 252-253. Если на 1755 г. выявлен 1% чиновников «из купцов», то в более поздний период – ни одного (Миронов 1999. С. 200).

⁴⁹ Из последних работ по теме: Акельев 2014. С. 151.

⁵⁰ А.С. Ушаков писал: «купеческое общество... наперекор и всем движениям последнего времени остается при своем упрямом равнодушии, избегает в деле, прямо в ущерб делу, всего общественного и живет и богатеет и банкротится *особняком* (курсив мой – В.Б.)». Ушаков 1865. С. 2.

⁵¹ Цит. по: Боханов 1989. С. 6.

или, на крайний случай, гражданская), напряженная мыслительная работа и «благородная праздность» были в первой половине XIX в. основной общественной морали. И даже в условиях разорения отношение к предпринимательству особо не менялось. Впрочем, некоторые дворяне пытались это изменить, участвуя в системе кредитов, в закладывании земель и т.д. Однако эти попытки далеко не всегда были удачными. Так персонаж «Барышни-крестьянки» Муромский, первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский Совет, но даже несмотря на это, «на чужой манер (Муромский – англоман) хлеб русский не родится»; отец Онегина тоже «земли отдавал в залог». Более того, попытки эти были нередко нечестными. Н.С. Лесков, описывая общество конца 1810–1820-х гг., писал: «помещики средней руки охотно должали и жили не по средствам. *Непривычные к расплатам, эти новые аристократы... брали займы, мало думая, или, лучше сказать, совсем не думая, об отдаче*» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4; курсив мой. – В.Б.]. Т.е. благородные дворяне шли на сознательный обман: брали ссуды, кредиты, а отдавать не собирались. Здесь можно вспомнить и Чичикова, который решил наживаться на мертвых душах (в прямом и переносном смысле этого слова), а затем и вовсе (уже во 2-м томе «Мертвых душ»), сторговав имение за 25 тысяч, пытался отдать только 20! Получается, что именно дворянский капитализм оказался в большей степени связан с мошенничеством, а вовсе не купеческий! Видно, неспроста Палтусов в «Китай-городе» говорит, что только у купцов честность и осталась. К осуждению предпринимательской деятельности привела неспособность дворян ей заниматься (или заниматься ей честно)!

Еще одна деталь: отсутствие земельной собственности у купцов в XIX в. могло делать их в глазах многих «изгоями» и вызывать изначальное недоверие у населения, в значительной степени земледельческого. Это недоверие и было абсолютизировано русскими писателями, в большинстве землевладельцами. В их произведениях уважением и сочувствием пользуются по большей части те предприниматели, которые чувствуют свою связь с землей или с крестьянскими корнями. Так, доверием общества пользуются Муразов, Чапурин, основатель дела Артамоновых... Интересно, что в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1877) всячески подчёркивается разница между смекалистым мужиком Ермилом Гириным и купцом Алтынниковым, хотя, казалось бы, оба они – представители предпринимательского сословия. Но первый – явно человек «из народа», а второй – «рыцарь наживы».

Впрочем, на региональном уровне положение купечества в XVIII–XIX вв. мало отличалось от того, какой статус они имели в допетровское

время. Именно предприниматели на протяжении всего дореволюционного периода оставались подлинными «отцами города». Примечательно, что даже в «Грозе» А.Н. Островского Дикой осознает свою силу и понимает, что может прийти в такое расположение, что всех осчастливить может. Правда, в таком расположении его никто никогда не видел. На уровне столичных городов, да, видимо, и губернских центров (во всяком случае, европейской России) положение купечества было заметно поколеблено «коронной администрацией».

Повышение роли предпринимательского сословия в общественной жизни страны во второй половине XIX в. следует считать ничем иным, как возвратом к тому положению, которое оно имело в допетровское время. Связано это было не с какими-то процессами в самом предпринимательском сословии, а в жизненном настроении эпохи: «Со времени объявления освобождения крестьян из крепостной зависимости, наше купеческое общество выпукло выдвинулось вперед, но это *никак не исключительно его заслуга* (курсив мой. – В.Б.), а скорее заслуга времени: дело в том, что общество это с падением крепостных отношений и многих переживших свое время и умерших скоростижно привилегий... обращает на себя теперь более внимания, нежели прежде»⁵². Можно сказать, что выход купечества на ведущую роль в общественной жизни было неожиданным – и в первую очередь для дворянства: «Магистрант – из купцов... Дворяне, культурные люди, люди расы, с другим содержанием мозга, – и не могут стряхнуть с себя презренной инертности, а тут тятенька торговал рыбой, или «пунцовым» товаром каким-нибудь, а сынок пишет монографию о средневековых ценах, или об учении Гуго Гроция» [Боборыкин П.Д. Китай-город. V. 13].

Как могла на этот процесс реагировать русская литература? Только по инерции высмеивая образ жизни, связанный с предпринимательской деятельностью (но не её саму). Ведь «уже Добролюбов обратил внимание на чрезвычайную упрощенность и элементарность тех вопросов и отношений, около которых вертится вся жизнь и совершается вся борьба героев Островского. Все это семейные или имущественные дела»⁵³. Так, Е.А. Андреева-Бальмонт, представительница старого московского купеческого рода, писала, что в пьесах Островского мы видим лишь *формы старого купеческого быта* (начавшего во второй половине XIX в. рушиться), но лишённые живого содержания: «Тут патриархальная власть старшего заменяется деспотизмом, грубым произволом сильного над

---

⁵² Ушаков. 1865. С. 37.

⁵³ Берлин. 1913. С. 179.

слабым». При этом мемуаристка отмечала, что художник брал «образцы яркие, типы людей выдающихся, характерных для этого отживающего строя».⁵⁴ С социально-бытовой точки зрения сюжеты «Грозы» и «Бесприданницы» Островского объясняют многие конкретно-исторические реалии. Чтобы ярче, красочнее проявились черты главных героев, чтобы показать их внутреннее благородство, силу характера, Островскому необходимо было противопоставить их существующей, всеобъемлющей и враждебной силе, достойной их самих. Кто бы мог ей стать? Человек деспотичный, держащий многих людей в материальной зависимости и, самое главное, с сильным, неординарным характером. Иными словами, яркой личностью (пусть и с отрицательным зарядом). Во времена Островского этими качествами в большей степени обладали представители купечества. Деспотизм многих из них зиждился на патриархальных порядках, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Таким образом, следует признать, что отрицательное отношение к богатству (и к предпринимательской деятельности как средству его достижения) не было исконным в русском самосознании. Скорее всего, оно утверждается через произведения русских писателей, большая часть которых происходила из дворянства – социального слоя, в значительной степени далекого от «коммерции» – именно в XIX в. Созданный художественной литературой отрицательный стереотип в силу инерции продолжал воспроизводить сам себя на протяжении XIX–XX вв. Но даже это обстоятельство не привело к появлению в отечественной литературе образов предпринимателей-злодеев. В произведениях русских писателей нет осуждения предпринимательства как такового. Осуждение деспотизма, жадности наживы и т.д. относится не только к купечеству, но и ко всему российскому социуму. Интересно, что самые отрицательные персонажи, связанные с коммерческой деятельностью, это, как правило, дворяне (например, Паратов из «Бесприданницы» А.Н. Островского).

***

В заключение рассмотрим еще один стереотип: якобы предпринимательская деятельность требовала некоей общественной легитимации.

Н.Н. Зарубина пишет, что с точки зрения *ценностной* рациональности «предприниматель выглядит нравственно неполноценным», так как олицетворяет «*практическую* рациональность»⁵⁵. Мол, в глазах общества предпринимательская деятельность оправдана, лишь когда приносит благо обществу, а сами предприниматели тяготеют своим ремеслом. Соот-

---

⁵⁴ Андреева-Бальмонт. 1997. С. 18.

⁵⁵ Зарубина 2003. С. 103.

ветственно, «моральное давление, оказываемое обществом на купечество, побуждало его принимать меры для повышения своего общественного престижа, во многом определив такие особенности российского предпринимательства второй половины XIX в., как увлечение благотворительностью, меценатством, общественной деятельностью»⁵⁶. Благотворительность – первое звено в эволюции отношений предпринимателей и общества, которое через этику служения находит завершение в этике ответственности⁵⁷. Такая общая социологическая схема может значительно трансформироваться в различных историко-географических условиях. Как представляется, русская литература показывает, что эта схема, оптимально характеризующая отношение предпринимателя и общества на Западе, к России мало применима. И здесь автору вспоминается, как на конференции «Индустриальное наследие, проходившей в июне 2006 г. в г. Гусь-Хрустальный, одна зарубежная исследовательница, увидев памятник Акиму Мальцеву, основателю знаменитых стекольных заводов, была удивлена: мол, в Европе нельзя встретить памятник предпринимателю! Данный факт обращает внимание на то, что именно в России купец был подлинным организатором жизни, основателем не только фабрик и заводов, но и целых городов, зачинателем освоения ранее обжитых местностей. В этой связи социологическая схема «благотворительность – этика служения – этика ответственности» мало соотносима с Россией. Исходя из этого, можно предположить, что в России какая-либо дополнительная легитимация предпринимательской деятельности не требовалась – для неё изначально характерна этика служения!

В самом начале XIX в. один из литературных персонажей, сиделец Андрей (комедия П.А. Плавильщикова «Сиделец Андрей», 1803) говорит: «Хороший купец, поставив на честность торг свой, может столько же отечеству принести пользы, сколько дворянин, проливая свою для защиты спокойствия и славы»⁵⁸. Это высказывание – яркий пример осознания предпринимателями своей силы и своего места в государстве – и есть формулировка этики служения (создатель пьесы сам принадлежал к предпринимательскому сословию). Через 13 лет, в 1816 г., в условиях восстановления пострадавшей в ходе пожара Москвы Трёхгорной мануфактуры Т.В. Прохоров открывает первую в Европе школу ремесленных учеников. Ещё только начиная семейное дело герои «Дела Артамоновых» Горького в 1860-е гг. думают о больнице, училище и т.д. Уже в

---

⁵⁶ Зарубина 2004.

⁵⁷ Зарубина 2004. С. 96.

⁵⁸ Брянецев 2001. С. 185.

1866 г. преобразовательная сила купечества была подмечена в публицистике: «Купец по своему положению у нас является разносторонним деятелем: кроме своего прямого занятия, ремесла дедов – торговли, он соприкасается с общественной деятельностью, как фабрикант имеет влияние на народ, держит нередко под своим влиянием целый околоток, целые населенные...»⁵⁹. Нельзя не вспомнить и наблюдение П.А. Бурьшкина: «...в старой Москве богатство решающей роли не играло. Почти все семьи, которые надлежит поставить на первом месте в смысле их значения и влияния, были не из тех, которые славились своим богатством. Иногда это совпадало, но лишь в тех случаях, когда богатство служило источником для дел широкого благотворения, или создания музеев, клиник, или развития театральной деятельности»⁶⁰.

Этика служения была изначально присуща русскому предпринимателю. Но, начиная с преемников Петра I, она оказалась в значительной мере искусственно связана едва ли не исключительно с дворянским сословием, а купечество в сознании общества и в титульной государственной жизни отодвинуто на второй план. Поэтому оно в 1812 г. ждёт императора в другом зале, а не в том, в котором находится дворянство!

Богатство и достаток вовсе не требуют какой-то специальной легитимации. В эмиграции В.П. Рябушинский, представитель знаменитой промышленной династии, в своих рассуждениях о русском хозяине писал: «Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью или даже нищетою»⁶¹. Т.е. богатство или нищета – благословение Божие. Или же у П.А. Бурьшкина: «Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчёта...»⁶². Эти два мемуарных свидетельства показывают, что богатство само по себе представлялось неким условием, в рамках которых ведут свою деятельность (не только коммерческую, но и общественную) предприниматели. Более того, литература показывает случаи, когда предприниматель сам отказывается от собственного дела – это также может служить доказательством того, что предприниматели вовсе не всегда живут ради наживы. Н.С. Лесков в рассказе «Житие одной бабы» (1863) вывел образ купца

---

⁵⁹ Ушаков 1866. С. 24.

⁶⁰ Бурьшкин 1990. С. 109

⁶¹ Рябушинский 1994. С. 135. В археографической экспедиции 2011 г. внучке одного предпринимателя, жившего в с. Шурма в начале XX в., был задан вопрос: относились ли к богатству, как к чему-то плохому или нет. На что та ответила: «У кого что-то получилось – Бог помог» (Архив Межкафедральной археографической лаборатории. ф. Южная Вятка. 2011 г. Дневник В. Богданова. С. 30).

⁶² Бурьшкин 1913. С. 113.

Силы Ивановича Крылушкина: «В молодости он... вёл свою торговлю, а потом, схоронив на тридцатом году своей жизни жену, которую, по людским рассказам сам замучил, запер дом и пять лет странничал. Он был в Палестине, в Турции, в Соловках, потом жил с каким-то старцем в Грузии... Он с бедных людей ничего не брал за лечение, да и вообще и с состоятельных-то людей брал столько, чтоб прожить можно больному... Его умеренность и бескорыстие были известны целому городу и целой губернии». Жил он в доме, «леча больных, пересушивая травы и читая духовные стихи» [Лесков Н.С. Житие одной бабы. II, 1]. Один из сыновей горьковского героя Ильи Артамонова отказывается от участия в семейном деле и уходит в монастырь.

Таким образом, предпринимательская деятельность если и требовала какой-либо легитимации, то только в сознании дворянства и интеллигенции, которые от неё были далеки. Те предприниматели, которые тяготились своим статусом, через свое мучение, может быть, и примирялись с рефлексирующими по этому поводу дворянством и интеллигенцией, но точно не находили моральной поддержки у простых людей (в частности, работавших на них). Такие художественные образы не находят безусловной симпатии и у читателей. Неудовлетворенность своим статусом характерна для любого человека, и она не должна затмевать его общественную роль. Во всяком случае, вовсе не своей рефлексией по поводу тщетности наживы интересен читателю (и стоящему за ним обществу) Игнат Гордеев. Он интересен в первую очередь благодаря широте души и постоянной работе. Что касается Петра Артамонова, говорившего, что его впрягли в управление фабрикой (чем он и тяготится), то он вообще никакого сочувствия не вызывает.

***

Подводя итог сказанному, заметим следующее.

Литература детально отразила отличия купечества от других социальных и историю становления промышленных и торговых династий, выявила пестроту и неоднородность предпринимательского сословия в России, показала разницу в мотивации предпринимательской деятельности среди представителей купечества. Несмотря на то, что русские писатели сознательно пытались показать несовместимость коммерческой деятельности с общим российским этосом (что можно объяснить инстинктивной попыткой оправдать инертность дворянства), в целом литература показала место предпринимательской деятельности в общей системе ценностей русского социума. Созданный же русскими писателями «негатив» в купеческих образах относится к бытовой стороне, а не

к самой предпринимательской деятельности. При этом он должен был, в первую очередь, помочь воплощению их художественных замыслов – на фоне отрицательных персонажей должны были яснее проявиться положительные черты главных героев, – а не бросать тень на предпринимательство как социальный слой. Впрочем, указанный «негатив» в дореволюционный период так и не укоренился в народном сознании, оставшись, пожалуй, характерным только для мировоззрения дворянства и интеллигенции – социальных слоев, из которых и происходило большинство отечественных писателей.

Тезис о негативном (если не во всех случаях, то хотя бы по большей части) образе купцов в русской литературе связан либо с неправильной трактовкой произведений, либо с игнорированием негативных образов других социальных групп. То, что предпринимательству в глазах общества требовалась некая дополнительная легитимация (которая якобы и приводила к широкой благотворительности), следует признать историографическим тезисом переходного периода: русскому ученому сообществу, как и социуму в целом, в начале 2000-х гг. было трудно изменить стереотипы, навязываемые десятилетиями. В настоящее время, как представляется, следует признать, что этика служения была изначально присуща русскому предпринимательству, и литература XVIII – начала XX в. об этом свидетельствует.

Бросается в глаза парадоксальное явление: в условиях торжества реализма в литературе, именно образы предпринимателей сохранили романтические черты! Не следует забывать, что именно предприниматели в художественных произведениях изображаются подлинными преобразователями. Это они осваивают тайгу, подчиняют водные стихии, организуют работу тысяч людей. Именно такими были Приваловы (выбившиеся в дворянство), Артамоновы, Гордеевы... При этом именно им, а не представителям других социальных групп, писатели приписывают яркие непримиримые (подлинно романтические) внутренние противоречия: склонность к греху и тяга к покаянию, неистовость (а нередко и жестокость) уживающиеся с нежностью. При этом многие рождаются в той социальной среде, которая не располагает к роскоши или к духовным исканиям, а жизнь в зрелом возрасте на широкую ногу вовсе не отменяет их мученические поиски смысла жизни... Купечество России (как это показывает художественная литература) давало, прежде всего, яркие русские типы. Их трудно описывать полутонами, они заслуживают контрастных красок, это всегда сильные личности, вызывающие уважение (а порой и симпатию) читателя. А это ещё одно доказа-

тельство, что предпринимательство воспринималось, главным образом, могучей преобразовательной силой, а вовсе не «тёмным царством».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеева Е.А.* Староверы-предприниматели Кузнецовы // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.). Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Акельев Е.В.* Старообрядцы в финансовых структурах Российской империи (1722–1785) // О вере и суевериях: сборник в честь Е.В. Смилянской. – М.: Индрик, 2014. С. 149-179.
- Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (из истории формирования русской буржуазии). – М.: Наука, 1988.
- Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997.
- Берлин П.А.* Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь. 1913. № 1.
- Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
- Брянцев М.В.* Образ купечества в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3: Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 181-196.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М.: Наука, 1975.
- Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая: Мемуары / Вступ. ст., коммент. Г.Н. Ульяновой, М.К. Шаццлло. – М.: Высшая школа, 1991.
- Галкина Е., Мусина Р.* Кузнецовы. Династия и семейное дело. – М., 2005.
- Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Ташкент, 1988.
- Голикова Н.Б.* Привилегированное купечество в структуре российского общества в XVI –первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012.
- Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. – М.: Памятники исторической мысли, 1998.
- Горький М.* Дело Артамоновых // Горький М. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 2. Мать. Дело Артамоновых. – М.: Художественная литература, 1976.
- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 101-115.
- Зарубина Н.Н.* Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 96-105.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
- Левандовская А.А., Левандовский А.А.* «Тёмное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // ОИ. 2002. № 1. С. 146-158.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII –начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1-2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Николаева И.Ю.* Новые возможности диалога истории и литературы в условиях методологической «смены вех» // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 22-33.
- Перхавко В.Б.* Торговые люди Средневековья в фольклоре // Труды Института российской истории. 2012. № 10. С. 475-490.

- Пименов В.В. Москва в русской литературе XIXв.: этнографические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 31-61.
- Рябушинский В.П. Русский хозяин // *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство; русский хозяин; статьи об иконе. М., 1994.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974.
- Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Сб. статей. Вып. 1. М., 1865; Вып. 2. М., 1866.
- Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Фигаро из Сущева. Диссонансы // Московский листок. 1 декабря 1894. № 334. С. 3. Христианство. Словарь. М., 1994.
- Чудинова Г.В. Эволюция образа старообрядца в русской литературе // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 2. М., 2007. С. 164-172.
- Щацлло М.К., Ульянова Г.Н. [Вступ. ст.] // *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая: Мемуары. М.: Высшая школа, 1991.
- Щукин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997.

BIBLIOGRAFIJA

- Ageeva E.A. Starovery-predprinimateli Kuznetsovy // *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII-XX vv.)*. Вып. 3. — М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
- Akel'ev E.V. Staroobryadtsy v finansovykh strukturakh Rossiiskoi imperii (1722–1785) // *O vere i sueveriyakh: sbornik v chest' E.V. Smilyanskoi.* — М.: Indrik, 2014. S. 149-179.
- Aksenov A.I. Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (iz istorii formirovaniya russkoi burzhuzii). — М.: Nauka, 1988.
- Andreeva-Bal'mont E.A. Vospominaniya. М.: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1997.
- Berlin P.A. Burzhuziia v russkoi khudozhestvennoi literature // *Novaya zhizn'*. 1913. № 1.
- Bokhanov A.N. Kolleksiionery i metsenaty v Rossii. М.: Nauka, 1989.
- Bryantsev M.V. Obraz kupechestva v russkoi literature kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. // *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri*. Вып. 3: Sbornik nauchnykh statei. Barnaul: Izd-vo AGU, 2001. S. 181-196.
- Veselovskii S.B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. — М.: Nauka, 1975.
- Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya: Mемуary / Vstup. st., komment. G.N. Ul'yano-voi, M.K. Shatsillo. — М.: Vysshaya shkola, 1991.
- Galkina E., Musina R. Kuznetsovy. Dinastiya i semeinoe delo. — М., 2005.
- Gilyarovskii V.A. Moskva i moskvichi. Tashkent, 1988.
- Golikova N.B. Privilegirovannoe kupechestvo v strukture rossiiskogo obshchestva v XVI –pervoi chetverti XVIII v. Iz nauchnogo naslediya / Sost. N.V. Kozlova, V.N. Zakharov, I.E. Trishkan. — М.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2012.
- Golikova N.B. Privilegirovannyye kupecheskie korporatsii Rossii XVI – pervoi chetverti XVIII v. Т. I. — М.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1998.
- Gor'kii M. Delo Artamonovykh // *Gor'kii M.* Izbrannyye proizvedeniya. V 3-kh tomakh. Т. 2. Mat'. Delo Artamonovykh. — М.: Khudozhestvennaya literatura, 1976.
- Zarubina N.N. Pravoslavnyi predprinimatel' v zerkale russkoi kul'tury // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2001. № 5.
- Zarubina N.N. Rossiiskii predprinimatel' v khudozhestvennoi literature XIX – nachala XX veka // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2003. № 1. S. 101-115.

- Zarubina N.N. Etika sluzheniya i etika otvetstvennosti v kul'ture russkogo predprinimatel'stva // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. № 1. S. 96-105.
- Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya*. M.: Nauka, 1987.
- Levandovskaya A.A., Levandovskii A.A. «Temnoe tsarstvo»: kupets-predprinimatel' i ego literaturnye obrazy // *OI*. 2002. № 1. S. 146-158.
- Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (KhVIII – nachalo KhKh v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. T. 1-2. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999.
- Nikolaeva I.Yu. *Novye vozmozhnosti dialoga istorii i literatury v usloviyakh metodologicheskoi «smeny vekh»* // *Dialog so vremenem*. 2013. № 45. S. 22-33.
- Perkhavko V.B. *Torgovye lyudi Srednevekov'ya v fol'klоре* // *Trudy Instituta ros-siiskoi istorii*. 2012. № 10. S. 475-490.
- Pimenov V.V. *Moskva v russkoi literature XIXv.: etnograficheskie aspekty* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya. 2002. № 4. S. 31-61.
- Ryabushinskii V.P. *Russkii khozyain* // *Ryabushinskii V.P. Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo; russkii khozyain; stat'i ob ikone*. M., 1994.
- Troitskii S.M. *Russkii absolutizm i dvoryanstvo v XVIII v.* M.: Nauka, 1974.
- Ushakov A.S. *Nashe kupechestvo i torgovlya s ser'eznoi i karikaturnoi storony*. Sb. statei. Vyp. 1. M., 1865; Vyp. 2. M., 1866.
- Fedosyuk Yu.A. *Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka*. M.: Flinta, Nauka, 2001.
- Figaro iz Sushcheva. *Dissonansy* // *Moskovskii listok*. 1 dekabrya 1894. № 334. S. 3.
- Khristianst'vo. *Slovar'*. M., 1994.
- Chudinova G.V. *Evolutsiya obraza staroobryadtsa v russkoi literature* // *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. T. 2. M., 2007. S. 164-172.
- Shatsillo M.K., Ulyanova G.N. [Vstup. st.] // *Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya: Memuary*. M.: Vysshaya shkola, 1991.
- Shchukin P.I. *Vospominaniya. Iz istorii metsenatstva Rossii*. M., 1997.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com

Images of merchants in Russian literature

The article is dedicated to the images of merchants in the Russian classical literature. On their basis, the author refutes the established historiographical topos about the negative attitude to business that allegedly had existed in Russian ethos. The author shows that the negative views of business world only emerged in the late 18th – early 19th c. In this case, this “negative attitude”, which appeared in the works of Russian writers, related only to the everyday aspect of the life of owners, but certainly not to their professional activity. Furthermore, in the pre-revolutionary period this attitude was not shared by the masses, and even after the decades of the Soviet regime country folk did not see business in negative light, and does not now.

Keywords: merchants, enterprise, Russian literature, social history.

Vladimir Bogdanov, PhD, Senior researcher, Laboratory of the history of culture, History Department, Moscow State Lomonosov University; vpbogdanov@gmail.com